

Георгий ГУЛИА

ЛЮБИТЬ И ЗНАТЬ РОДНОЙ КРАЙ

Однажды в перерыве между занятиями в учительской Ивановской средней школы собралось несколько педагогов. Один уже закончил свой трудовой день, другие собирались начинать его.

— А я и не знала, что картофель многолетнее растение, — обратилась к своему соседу учительница географии, закрывая брошюру.

— Странно! И тоже всегда считал картофель однолетним растением... А вы не шутите? — спросил он.

— Нисколько. И только что прочитала об этом в брошюре.

— Картофель — растение всем известное, а вот, подите, как мало, оказывается, мы о нем знаем! — удивилась кто-то.

— А позвольте спросить, много ли мы вообще знаем о так называемом «общезвестном»? — обратился к присутствующим учитель биологии Григорий Яковлевич. — Из какого материала, например, стол, за которым вы сидите?

— Сосновый.

Биолог поднял край скатерти, и учителя стали рассматривать стол.

— Нет, не сосновый. Ножки березовые, крышка покрыта фанерой, а под фанерой, возможно, — сосна, возможно, — дуб.

Наступило молчанье.

— Что же вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать одну простую вещь: мы очень мало осведомлены о том, что находится у нас буквально под ногами. Мы знаем, какие деревья растут в Японии и Африке, каков климат Австралии, какие культуры возделываются на плантациях Бразилии, а называть дикорастущие растения нашего района не сможем. Получается так, что географию, биологию, историю мы изучили и преподаем только по учебникам.

В этих учебниках трактуются о всех морях и океанах, материках и архипелагах, государствах и странах, в том числе и о СССР. Но как только дело доходит до какой-нибудь области или района нашей страны — сведений о них становится все меньше и меньше. О селе, где мы с вами живем, в учебниках — ни слова, на уроках — ни звука, словно нет этого села на свете или находится оно вне истории, географии, биологии!

— Все, сидящие здесь, работают в Ивановском по несколько лет. Есть и местные уроженцы, например, Мария Дмитриевна, а вот кто может сказать точно, когда здесь обосновались первые поселенцы, откуда они пришли, кто они? Под каким градусом долготы и широты находится наше село? Никто из нас этого не знает.

Присутствующие молчали. Действительно, никто не мог ответить на эти вопросы.

— В самом деле, товарищи, кто и что знает об историческом прошлом Иванова? — спросил историк.

Стали припоминать, что до революции в селе жил помещик Ежихин; на месте, где была когда-то церковь, сейчас находится районный дом культуры...

Молчавшая вначале, Мария Дмитриевна оживилась.

— Вы же знаете, товарищи, председатели нашего сельского совета Баранова? — вступила она в разговор. — Так вот его прадед носил когда-то другую фамилию. Деушкина Баранова был еще мальшом, когда урядник и староста обходили село, производя какую-то перепись. Зашли и к ним. Никого, кроме мальшю, дома не было. «А где хозяйка? Как их фамилия?» — спросил урядник. Мальчик таранил глаза и молчал: видно, они его натапливали. «Вот так баран!» — рассмеялся урядник. — Пиши их, староста, Барановыми!». Так появилась в селе фамилия Барановых.

— Это анекдот?

— Нет, скорее исторический факт.

Так случайный разговор, начатый в учительской, заставил педагогов задуматься об истории села, где они жили и работали, о богатствах своего района, о том, как мало еще знают школьники свой край.

Благодаря тем многочисленным географическим, геологическим и иным экспедициям

ПОЧЕМУ МОЛЧАТ ОППОНЕНТЫ?

По следам одного письма

Вначале все шло обычно. Кандидат технических наук К. С. Хвилья заинтересовался одним из основных процессов сельскохозяйственного производства — вспашкой. Стал он исследовать, как работает лемешный плуг, производит опыты, считая. Появились первые выводы, обобщения. Их-то он и решил положить в основу своей докторской диссертации.

Министерство высшего образования СССР пошло навстречу ученому. В 1950 году К. Хвилья был прикомандирован к докторантуре Почвенного института Академии наук СССР. Все шло хорошо! В начале 1952 года диссертация «Теория вспашки лемешным плугом» была представлена к защите. Еще лучше!

Не нам оценивать этот научный труд, отмечая его достоинства, с одной стороны, и недостатки — с другой. Этим должны заниматься ученые, специалисты. Приведем только отрывок из письма К. Хвилья в редакцию «Литературной газеты». Может быть, он поможет более полно уяснить ход дальнейших событий.

«Случилось так, что мои исследования убедили меня в неправильности некоторых положений в учениях академика В. Р. Вильямса, академика В. П. Горюхина и их учеников. Поэтому в своей диссертации я привел доказательства о несправильности этих положений и обосновал новые положения по соответствующим вопросам».

Есть, следовательно, повод для научного спора. Но дальше, когда понадобилось, как это и положено, найти оппонентов, все пошло плохо.

Сделаем небольшое отступление и перенесемся в древний Рим.

...Триумф. Враг разбит. Победитель вступает в столицу. Все ликуют. Но среди приветственных возгласов слышатся голоса недовольных, осматривающих самого триумфатора. Хулители нанимали специально. Вызывая гнев толпы, они еще больше возвышали славу победившего полководца. Говорят, их называли оппонентами. Можно поверить этому? Или оппонировать — значит возмущаться? Лихо доставшись хулителям-оппонентам. Чем только в них не кидали, какими только словами их не оскорбляли! Тяжелые времена, дикое нравы!

Времена менялись, менялись и нравы. В наши дни оппонент — это «спорщик», опровергатель, составитель в ученых беседах». Оппонента сейчас уважают, и каждому его слово прислушиваются. Он страж у врат науки.

Как видно, между нынешним оппонентом и древним — дистанция огромного размера. Но есть и некоторое сходство. В древнем Риме очень трудно было найти людей, которые соглашались выставить себя на позор. Нелегко и сейчас иногда найти составителя в ученых беседах, хотя эта должность всеми уважается и ценится.

К оппонентам ученым обращались с просьбой оппонировать по диссертации «Теория вспашки лемешным плугом». Но никто из них не пожелал спорить или соглашаться с К. Хвильей, опровергать или подтверждать его доводы. Одни отвечали, что они не специалисты в данной области, другие оказались занятыми, смысл ответа третьих был примерно

таков: отказывать не хочу, обнадёживать не буду. Были и такие, что вообще не отвечали.

Диссертация К. Хвилья пылится вот уже больше трех лет, желтеет и сохнет. А рядом с ней пухнет, растет не по дням, а по часам «Дело К. С. Хвилья».

Много всяких бумаг в деле. Стиль их разный: вкрадчивые докладные, эпические спокойные справки, корректно-вежливые письма, суровые приказы и распоряжения, законные расписки и отписки. Через все это собрание сочинений лейтмотивом проходит одна тема: где найти оппонентов для диссертации К. С. Хвилья?

Под лемешный камень вода не течет. Почвенный институт и сам соскочил с места, побывав в колхозе, в МТС, потянувшись к агроному, бригадиром, запишет в свой блокнот несколько местных, локальных, сравнений и эпитетов — вот тебе и фон готов для будущего произведения. Тут обязательно пребудет «гул мощных машин», «задушевные песни девиц», «разношерстные по реке» или, еще лучше, — «по бескрайней целинной степи». Потом писатель разыщет сюжет, чтобы вписать его в готовый фон. Это нетрудно. Вот на выбор несколько уже пришедших к Хвилье сюжетов, которые нередко у писателя-ремесленника поменяют настоящее знание жизни: оставший от жизни, полуграмотный председатель колхоза и способный, энергичный агроном или агрономка. Битва старого с новым, и под конец — полное исполнение желания... автора. Или так: дельный инженер, рвущийся в деревню, и его жена, истерически цепляющаяся за город. Драма. В конце слезы раскаяния на подкрашенных ресницах жены... Или, наоборот, — тракторист, гонимый за легкой наживой, и знаящая по кукурузе, не дающая покоя этому трактористу. Споры. Сорры. Потом — симпатия, дружба, любовь. А в финале — безупречная работа на культивации женской кукурузы чубатого Сени или Анти трактором «ДП-35» со сцепом двух культиваторов «МТС-4,2»...

И все это без трепета, без души... Когда произведение готовится таким способом, читатель не чувствует в нем бегущей, теплоты человеческих чувств, глубины переживания, оно холодно и неприятно на вкус, как дежурное блюдо в дурной столовой... А когда издательства все же выпускают в свет подобную продукцию, даже с заманчивым названием «Золотой колос», лежит она годами на полках магазинов... или в лучшем случае распыляется по читальням. И люди зевают, читая такую книгу.

Реалистическое произведение рисует широкую картину жизни. Но жизнь в настоящем художественном произведении мы познаем обязательно через человека. Как хорошо, например, чувствуешь жизнь МТС и колхозов, постигая переживания Нести Ковшового...

Между прочим, приведенные выше лабильные коллизии в жизни сейчас уже редкость. Ученые резко контрастируют подобные конфликты, всем сразу видно, где белое, где черное. А положение в сельском хозяйстве сейчас таково, что каждый человек на виду, и его быстро определяют по делам, а не по словам. Знаете, как хлеб в сортировке: уже на решете первой очистки вылавливаются прочь все плевухи. За последние годы такая очистка сделана и людям. И неплохо. А сейчас идет очистка более тонкая. Тут бывает сложнее отделить чужое или дурное зерно от полноценного. Даже вредная амброзия, и та поддается по ценные семена суданки.

Правдиво и мастерски описывая то, что было, литератор, несомненно, приносит пользу. Но куда важнее и ценнее

В ЖИЗНИ ЭТО ИНТЕРЕСНЕЕ...

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В последнее время заметно возрос интерес писателей и журналистов к сельскому хозяйству. Да и где же быть теперь литераторам, как не в одном из передовых отраслей строительства общества?

Радостно читать о борьбе за хлеб, за достаток продовольствия; учиться на хороших примерах; переживать вместе с героями книги его горе и радость, его душевную борьбу, после которой, как после грозы, настоящий человек становится сильнее и чище.

Да, товарищи, очень приятное чувство — быть на переднем крае. Хотя часто это трудно, но зато какое великодушное сознание значимости работы, высота-то какая!

Но вот что бросается в глаза: книг о хлебе, о тракторах и комбайнах и даже о коровах куда больше, чем о самом человеке, вырабатывающем хлеб и кукурузу.

Вот тут-то и хочется поговорить о бесстрастном описательстве и о глубине познания действительности.

Бывает ведь еще у нас нередко так: приходит писатель из области или края на место, побывает в колхозе, в МТС, потянувшись к агроному, бригадиром, запишет в свой блокнот несколько местных, локальных, сравнений и эпитетов — вот тебе и фон готов для будущего произведения. Тут обязательно пребудет «гул мощных машин», «задушевные песни девиц», «разношерстные по реке» или, еще лучше, — «по бескрайней целинной степи». Потом писатель разыщет сюжет, чтобы вписать его в готовый фон. Это нетрудно. Вот на выбор несколько уже пришедших к Хвилье сюжетов, которые нередко у писателя-ремесленника поменяют настоящее знание жизни: оставший от жизни, полуграмотный председатель колхоза и способный, энергичный агроном или агрономка. Битва старого с новым, и под конец — полное исполнение желания... автора. Или так: дельный инженер, рвущийся в деревню, и его жена, истерически цепляющаяся за город. Драма. В конце слезы раскаяния на подкрашенных ресницах жены... Или, наоборот, — тракторист, гонимый за легкой наживой, и знаящая по кукурузе, не дающая покоя этому трактористу. Споры. Сорры. Потом — симпатия, дружба, любовь. А в финале — безупречная работа на культивации женской кукурузы чубатого Сени или Анти трактором «ДП-35» со сцепом двух культиваторов «МТС-4,2»...

И все это без трепета, без души... Когда произведение готовится таким способом, читатель не чувствует в нем бегущей, теплоты человеческих чувств, глубины переживания, оно холодно и неприятно на вкус, как дежурное блюдо в дурной столовой... А когда издательства все же выпускают в свет подобную продукцию, даже с заманчивым названием «Золотой колос», лежит она годами на полках магазинов... или в лучшем случае распыляется по читальням. И люди зевают, читая такую книгу.

Реалистическое произведение рисует широкую картину жизни. Но жизнь в настоящем художественном произведении мы познаем обязательно через человека. Как хорошо, например, чувствуешь жизнь МТС и колхозов, постигая переживания Нести Ковшового...

Между прочим, приведенные выше лабильные коллизии в жизни сейчас уже редкость. Ученые резко контрастируют подобные конфликты, всем сразу видно, где белое, где черное. А положение в сельском хозяйстве сейчас таково, что каждый человек на виду, и его быстро определяют по делам, а не по словам. Знаете, как хлеб в сортировке: уже на решете первой очистки вылавливаются прочь все плевухи. За последние годы такая очистка сделана и людям. И неплохо. А сейчас идет очистка более тонкая. Тут бывает сложнее отделить чужое или дурное зерно от полноценного. Даже вредная амброзия, и та поддается по ценные семена суданки.

Правдиво и мастерски описывая то, что было, литератор, несомненно, приносит пользу. Но куда важнее и ценнее

писать о том, что есть, и в то же время задвигать вперед, в будущее. Писать не надо придумывать для этого сносительные конфликты. Стоит поглубже узнать жизнь людей, как в блоно-ного писателя не останется ни одного чистого листа. В нем, в человеке, — бесконечное море сюжетов и конфликтов.

Что произошло, например, с нашим бригадиром из колхоза имени Молотова — Семеном Николаевичем Антоновым? Был-таки председатель колхоза, самолюбивый до крайности, прямой до грубости, вспыльчивый и олимпийский и в то же время дельный и умный, хотя и полуграмотный, он только плынул всерьез, когда узнал, что в его бригаду из аппарата (из аппарата!!!) направлен образованный агроном. Ему — агроному. Ого! Если бы вы видели, как посмотрел он на Владимира Александровича Давыдова, низенького, простенького, с тихим голосом, с чистыми, без загаров и мозолей руками, в косточечные и стареньком галстуке, когда тот появился в бригаде. Как подчеркнуто равнодушно принял его, как этот новый человек пешком ходил по полям, раскинувшимся на пятнадцать километров. И все так тихо, без сцен, без грубостей. Ты — сам по себе, я — сам по себе. Без ученых обиды... Трудно заметить что-либо со стороны. Но сколько тут напряжения, внутренней борьбы, неосказанных мыслей, волнений и огорчений... Но вот прошел год, и два года. Давыдов мы переводим на новое место, с повышением. Семен Николаевич нервничает, робеет, но упрямо упрямится: «оставьте... Возьмите лучше другого. Ну, хотя бы комбайнов уменшейте, но оставьте агронома. Мало? Берите двух зыбеньких с орденами. Оставьте в бригаде (не «мне», а в бригаде...) Давыдов. Нелзя... Он шумит, грозит, жалуетесь. Но Давыдов уходит. Антонов замыкается, беспричинно ограничивается на всех».

Поди улови извилистый мыслитель этого степняка! Ни ярко выраженного конфликта, ни цельного сюжета — ничего. А раскрыть бы эту тему, как сумела сделать Г. Николаева в своей тонкой повести, — и люди затаились бы.

Или вот: когда-то девушка случайно поступила в сельскохозяйственный институт. К собственному удивлению, кончила учеб, получила диплом и оказалась в колхозе. Чего только не переделала она ночью! Никто ее не поминает, не слушает — такую робкую, неуверенную, даром она хлеб ест... От горя, от желания как-то убит время она с утра до ночи в поле и в поле. Покерная, загорелая, похудела, годовую опустела, глаза потухли. Глянет в зеркало — жуть! Кому она нужна такая... А ведь молодость... Ее постоянно ругают за срывы, за недостатки и очень скупой и редко плачущий. Все это злит агронома, и вот на одном заседании она закипает и хлестко критикует руководителей. А те, на удивление, признают свою вину и благодарят, что поправила. Красная от волнения, горящая от сознания своей работы и значимости, она уходит с высоким поднятой головой. Да так больше и не опускает ее. Поняла свою роль, командиром стала. Дело пошло. Ее продолжают ругать (это, между прочим, участь всех агрономов, даже хороших), а она свой хлеб ест. И в время для другого намалось. Собралась как-то в кино, глянула в зеркало и обрадовалась: лицо энергичное, глаза смелые. Такую нельзя не полюбить, даже если она черна от загара... Она и сейчас агроном. Попробуйте ли предложить переменить профессию... Попробуйте написать книгу о ней. Поэму, роман, что хотите — и все будут вам благодарны.

Сельское хозяйство сильно своими людьми. Они делят машины, пахут и сеют, спорят, любят, ненавидят, воспитывают детей, засаживают, критикуют друг друга, смеются, выпивают, слушают музыку, кормят страну и даже... мечтают.

Помогите им лучше познать самих себя, дорогие товарищи писатели!

Васильев П.А.Л.МАН, главный агроном Динской МТС Краснодарского края

Родники дают начало Волге

Лев ОЗЕРОВ

Начну с печально известных фактов. Они уже приводились. На одного писателя в возрасте до тридцати лет приходится три писателя старше шестидесяти лет. Среди делегатов Первого съезда писателей три четверти составляли литераторы до сорока лет, четверть — свыше сорока. Ко Второму всеобщему съезду положение изменилось так: три четверти все писательской организации составляли люди старше сорока и одну четверть — до сорока лет.

Это соотношение заставляет серьезно задуматься: почему так получается?

ЛЮДИ ЕСТЬ Причины тут, видимо, много: и слабый контакт между мастерами и начинающими, и улучшения в организации работы с молодыми со стороны Союза писателей, и известная пассивность, а то и прямое пассивное отношение к творческой молодежи, и равнодушие в издательствах, газетах, и некоторых общественных организациях... Словом, не торопясь с выводами, хочется обратиться к фактам, к тому, с чем я познакомился в Горьком и в Куйбышеве — в двух крупнейших центрах страны, главных своих революционных и литературных традициях.

Волгу поднимают. Каскад Большой Волги включает в себя восемь гидроузлов. Это осуществляют волгари вместе со всей страной.

Рожденная родниками Волга нынче сама родит моря. Инженеры изучают влияние будущих волн на гидросооружения, на береговые постройки. Старая Волга остается в песнях и на страницах книг русских классиков. Волжане любят свою древнюю красоту Жигулей. И с новой радостью и гордостью всматриваются они в панораму грандиозной стройки.

Среди строителей множество молодежи комсомольского возраста. Молодая страна понимает старую Волгу. И Волга от этого молодеет. Ей радостно, что на ее берегах вершатся большие дела, что в эти дела вовлечены миллионы людей.

А литераторские организации на берегах великой реки непомерно малы. Литературную Волгу не поднимают. Рукописи по ста-

ринке таянут волоком. На издательских перекатах в междень скапливаются десятки талантливых людей и ждут, ждут, ждут... Литературная Волга течет вяло.

Максим Горький поднимал писательскую Волгу, но его нет. А жизнь на берегах реки еще грандиознее, чем двадцать лет назад. И не меньше даровитых людей — выросших, растущих, желающих работать в литературе.

О ЧЕМ ОНИ ПИШУТ? Когда читаешь рукописи и книги одну за другой, создается общее впечатление от творчества литераторов-волжан. У них есть немалые достижения. Какими недостатками?

На общие темы пишется рассудочно, схематично, с чужого голоса. На местные — бытовщина, мелко.

Молодой горьковчанин читает поэму о старом Новгороде. Конечно, и это могла быть живая вещь. Но автор не выстрадал тему, а рассудительно выбрал ее. С ученым видом и со знанием он говорит об источниках. Потом неожиданно, с предположением в нем пылом, стал говорить о мещанстве, о влиянии религии на некоторую часть молодежи. Человек возмущался. Учительство, почему он об этом не пишет. И показалось ненормальным, когда человек изволнован одним, а пишет о другом. В этом случае творческого успеха ждать нельзя.

В стихах волжаннина А. Плотникова читаем: У бригадира слишком много дела, Чтоб любоваться только красотой. Автор хотел показать увлеченного работой, а показал ограниченного человека. Дело и красота у молодого поэта разделились. А советская поэзия давно доказала, что они едины. Так, желая продемонстрировать свою архисовременность, автор, по существу, показывает свою архаичность.

Вот почему более прав молодой поэт Л. Шерешевский, когда пишет: Скользкие прыжки салазки плывут Ты чувствуешь запах соленого моря.

Рост мастерства — это не только рост умения. Это способность шире и глубже смотреть на вещи, быть ближе к сущности явления. Мастерство растет вместе с пониманием жизни.

Много вещей о внешнем. Вид города и монументы. Будто поэт ходит по улицам и не задвигает в квартиру землянок, не хочет знать, как они живут, чем живут. А раз задает внешнее, то жизнь предстает без борьбы, без душевного напряжения, опустительно. Образовался этаким «снайпер» тем и образов, которые так или иначе, в той или иной степени проходят по страницам произведений молодых волжан: Волга — ледяная, ледяная; Волга — широкая и глубокая; голубоглазая волжанка; Жигули; бакенщики; и, в конце концов, рифмованный ответ (а порой и зачет) по истории и географии. Земснаряд вместо повелевающего бы человека. Умление вместо раскрытия образа. Восклицательный знак вместо изображения. Жизнь берется так, как в стихотворении волжаннина В. Кустова о спортсмене:

Шутки ли? Один прыжок хороший — И второй разряд в его руках.

Еще беда — украшательство. Образ воспринимается не как средство, раскрывающее смысл, а, наоборот, как нечто загромождающее его. Один молодой горьковчанин пишет:

Мороз распылал алыфы и омги На синей шали неба, как росу.

Это звучит пародийно. Красивость — враг красоты. И поэтостеро не станет мастером, не поняв этого.

Но у большей части молодых литераторов-волжан нарастает протест против бездумных красотостей, штампов, гладкописи. Есть люди, которые хотят как можно скорее напечататься. Но их побуждают те, кто стремится все лучше и лучше писать. Так почему же так медленно и вяло они вливаются в литературную Волгу?

На Горьковский автозаводе было сильное литературное объединение. Было... О нем приходится говорить, к сожалению, в прошедшем времени. Редакция газеты «Авто-

заводец», при которой существовало объединение, сочла для себя обременительным «возиться» с ним. На заводе позабыли о даровитых людях, живущих и работающих рядом. Кто эти люди? Прозаик М. Драгунов, автор вышедшей книги «Это было на нашем заводе», поэты А. Кругляк, С. Соколов, Д. Дятлов и другие. Все они исколесили по творческому разговору; накопилось много рукописей, они лежат без движения.

В том же Горьком, на Сормовском заводе, есть свои драматурги, поэты, прозаики. Собираются, читают написанное. Но, как сказал один из членов объединения, «взрыв в собственном соку». Горьковскому отделению Союза писателей многое известно, но ему как бы и дела нет. Сормовский райком партии и Сормовский райком комсомола тоже в стороне.

Есть два литературных объединения на Куйбышев-гидростро, которыми руководит поэт Н. Яголев, есть такие объединения на заводах, при институтах. Объединения есть, но они разобщены, руководство ими не осуществляется ни областными отделениями СП, ни какой-либо общественной организацией. Правда, и в Горьком и в Куйбышеве решено: из числа лучших участников литературных объединений при отделении Союза писателей. Списки есть. Они составлены верно. Но до горючей, увлекательной, творческой работы еще очень далеко...

Порой в областных отделениях ждут подкаски: какую молодость звать, как ее поддерживать, как с ней работать. Между тем обычно случается так: появляется бесспорный творческий человек, вокруг него тотчас же объединяются гидростроители, студенты, колхозники, учителя, врачи — десятки людей с первыми стихами и прозой.

Всего только с начала этого года работало объединение при газете Приволжского военного округа «За Родину». Но заведующему отделом культуры этой газеты А. Кириченко удалось при поддержке всей редакции сколотить дружный и деятельный коллектив. И этим интересно работать, и газете помогло. Люди военные и гражданские, поэты В. Удалов, С. Гузенков, прозаики А. Зотов, В. Масников, А. Волф, драматург В. Маторин, есть даже свой сказочник — В. Беспалов. Здесь работа кипит, и можно не сомневаться в том, что она даст свои плоды.

ГДЕ ЖЕ РАБОТАЮТ ХОРОШО? Порой в областных отделениях ждут подкаски: какую молодость звать, как ее поддерживать, как с ней работать. Между тем обычно случается так: появляется бесспорный творческий человек, вокруг него тотчас же объединяются гидростроители, студенты, колхозники, учителя, врачи — десятки людей с первыми стихами и прозой.

Всего только с начала этого года работало объединение при газете Приволжского военного округа «За Родину». Но заведующему отделом культуры этой газеты А. Кириченко удалось при поддержке всей редакции сколотить дружный и деятельный коллектив. И этим интересно работать, и газете помогло. Люди военные и гражданские, поэты В. Удалов, С. Гузенков, прозаики А. Зотов, В. Масников, А. Волф, драматург В. Маторин, есть даже свой сказочник — В. Беспалов. Здесь работа кипит, и можно не сомневаться в том, что она даст свои плоды.

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ На Горьковский автозаводе было сильное литературное объединение. Было... О нем приходится говорить, к сожалению, в прошедшем времени. Редакция газеты «Авто-

заводец», при которой существовало объединение, сочла для себя обременительным «возиться» с ним. На заводе позабыли о даровитых людях, живущих и работающих рядом. Кто эти люди? Прозаик М. Драгунов, автор вышедшей книги «Это было на нашем заводе», поэты А. Кругляк, С. Соколов, Д. Дятлов и другие. Все они исколесили по творческому разговору; накопилось много рукописей, они лежат без движения.

В том же Горьком, на Сормовском заводе, есть свои драматурги, поэты, прозаики. Собираются, читают написанное. Но, как сказал один из членов объединения, «взрыв в собственном соку». Горьковскому отделению Союза писателей многое известно, но ему как бы и дела нет. Сормовский райком партии и Сормовский райком комсомола тоже в стороне.

Есть два литературных объединения на Куйбышев-гидростро, которыми руководит поэт Н. Яголев, есть такие объединения на заводах, при институтах. Объединения есть, но они разобщены, руководство ими не осуществляется ни областными отделениями СП, ни какой-либо общественной организацией. Правда, и в Горьком и в Куйбышеве решено: из числа лучших участников литературных объединений при отделении Союза писателей. Списки есть. Они составлены верно. Но до горючей, увлекательной, творческой работы еще очень далеко...

Порой в областных отделениях ждут подкаски: какую молодость звать, как ее поддерживать, как с ней работать. Между тем обычно случается так: появляется бесспорный творческий человек, вокруг него тотчас же объединяются гидростроители, студенты, колхозники, учителя, врачи — десятки людей с первыми стихами и прозой.

Всего только с начала этого года работало объединение при газете Приволжского военного округа «За Родину». Но заведующему отделом культуры этой газеты А. Кириченко удалось при поддержке всей редакции сколотить дружный и деятельный коллектив. И этим интересно работать, и газете помогло. Люди военные и гражданские, поэты В. Удалов, С. Гузенков, прозаики А. Зотов, В. Масников, А. Волф, драматург В. Маторин, есть даже свой сказочник — В. Беспалов. Здесь работа кипит, и можно не сомневаться в том, что она даст свои плоды.

ГДЕ ЖЕ РАБОТАЮТ ХОРОШО? Порой в областных отделениях ждут подкаски: какую молодость звать, как ее поддерживать, как с ней работать. Между тем обычно случается так: появляется бесспорный творческий человек, вокруг него тотчас же объединяются гидростроители, студенты, колхозники, учителя, врачи — десятки людей с первыми стихами и прозой.

Всего только с начала этого года работало объединение при газете Приволжского военного округа «За Родину». Но заведующему отделом культуры этой газеты А. Кириченко удалось при поддержке всей редакции сколотить дружный и деятельный коллектив. И этим интересно работать, и газете помогло. Люди военные и гражданские, поэты В. Удалов, С. Гузенков, прозаики А. Зотов, В. Масников, А. Волф, драматург В. Маторин, есть даже свой сказочник — В. Беспалов. Здесь работа кипит, и можно не сомневаться в том, что она даст свои плоды.

ДАВАЙТЕ РАЗБЕРЕМСЯ На Горьковский автозаводе было сильное литературное объединение. Было... О нем приходится говорить, к сожалению, в прошедшем времени. Редакция газеты «Авто-

заводец», при которой существовало объединение, сочла для себя обременительным «возиться» с ним. На заводе позабыли о даровитых людях, живущих и работающих рядом. Кто эти люди? Прозаик М. Драгунов, автор вышедшей книги «Это было на нашем заводе», поэты А. Кругляк, С. Соколов, Д. Дятлов и другие. Все они исколесили по творческому разговору; накопилось много рукописей, они лежат без движения.

В том же Горьком, на Сормовском заводе, есть свои драматурги, поэты, прозаики. Собираются, читают написанное. Но, как сказал один из членов объединения, «взрыв в собственном соку». Горьковскому отделению Союза писателей многое известно, но ему как бы и дела нет. Сормовский райком партии и Сормовский райком комсомола тоже в стороне.

Есть два литературных объединения на Куйбышев-гидростро, которыми руководит поэт Н. Яголев, есть такие объединения на заводах, при институтах. Объединения есть, но они разобщены, руководство ими не осуществляется ни областными отделениями СП, ни какой-либо общественной организацией. Правда, и в Горьком и в Куйбышеве решено: из числа лучших участников литературных объединений при отделении Союза писателей. Списки есть. Они составлены верно. Но до горючей, увлекательной, творческой работы еще очень далеко...

Порой в областных отделениях ждут подкаски: какую молодость звать, как ее поддерживать, как с ней работать. Между тем обычно случается так: появляется бесспорный творческий человек, вокруг него тотчас же объединяются гидростроители, студенты, колхозники, учителя, врачи — десятки людей с первыми стихами и прозой.

Всего только с начала этого года работало объединение при газете Приволжского военного округа «За Родину». Но заведующему отделом культуры этой газеты А. Кириченко удалось при поддержке всей редакции сколотить дружный и деятельный коллектив. И этим интересно работать, и газете помогло. Люди военные и гражданские, поэты В. Удалов, С. Гузенков, прозаики А. Зотов, В. Масников, А. Волф, драматург В. Маторин, есть даже свой сказочник — В. Беспалов. Здесь работа кипит, и можно не сомневаться в том, что она даст свои плоды.

В ОЧЕРКЕ С. За-
лыгина «Вес-
ной 1954 года» есть
два характера, кото-
рые, на первый взгляд, кажутся взаимонес-
овместимыми.

Секретарь райкома Фоминных держит
буквы закона и последней инструкции. По-
лучив очередное распоряжение из высшей
инстанции, он умеет мобилизовать все свои
силы для того, чтобы в срок рпортовать
руководству, что задание выполнено. Фо-
минных работает, не жалея себя, он искрен-
не считает, что вся его жизнь принадле-
жит партии; но незаметно для него полу-
чилось так, что сама жизнь района уже
давно не беспокоит его. Он озабочен лишь
тем, чтобы уметь дать руководству справку
по любому поводу и, получив указание
высшей, неукоснительно выполнять его —
любимой ценой. О том, что нужно не только
знать жизнь своего района, но и самому
вляться на нее, — подумать Фоминных не
досуг.

Если обо всем, изложенном выше, За-
лыгин просто сообщает (это право автора
оперативного очерка), то раскрытие образа
мышления Фоминных ему удается, как
художнику. Здесь автор уже не сооб-
щает, а показывает. Приехав в кол-
хоз и проснувшись чуть свет, Фоминных
решает: «Пойду по хозяйству!.. Пока пред-
седатель спит, секретарь райкома уже по-
смотрит колхоз». Увидев рядом с бригади-
ром молодую женщину, «жену», — полу-
мал Фоминных и тут же сформулировал
точнее: «жена бригадира». Фоминных хо-
чется «в каком-то деле» поддержать ново-
го директора МТС Башлакова (характерно
именно это — в каком-то!), поддержать,
направить, «чтобы в районе, а может быть,
и в области увидели это и сказали: «Вот
так надо поддерживать начинающие! Так
надо подходить к людям!». Мысль Фо-
минных движется от формулы к формуле.
Льшь только усвоившая им новая идея уло-
жится в ложе старой испытанной формулы,
он сразу успокаивается и берет ее на
вооружение, но не ранее этого.

Так бюрократизм превращает деятельно-
го работника в делателя, энергичного чело-
века — в регистратора фактов, а жизнь, все
разнообразие которой невозможно преду-
смотреть готовыми формулами, начинает
обходить Фоминных стороной.

Для директора Всеволжской МТС Писе-
гина, напротив, казалось бы, важно вляться
на жизнь, делать ее, и ради этого он
способен на любой обих инструкции и
закона; он считает, что цель оправдывает
средства, и сам не замечает, как средства,
которые он использует, приходят в про-
творечие с целью, ради которой он не
жалет себя еще в большей степени, чем Фо-
минных, ради которой он, старый, большой
человек, живущий на уколах, трясется
по дальним дорогам, ради которой он, за-
служенный партизан, уже имеющий право
на покой и уважение, обвиняет банк,
заводит незаконную на МТС «винофору»,
вымывает откуда-то стройматериалы,
предлагает другим, организует, как
он сам говорит, «взаимопомощения».
«Комбинировать, свиную ферму завел —
мало ли что еще? Не для себя. Для своей
МТС», — делится он с Башлаковым. Но
инициатива по-своему самоотверженного,
влюбленного в дело Писегина оказывается
его частной инициативой. Она идет враз-
рез с общим подъемом экономики области.
И Писегина жизнь начинает обходить
сторой, как обходит она Фоминных.

Наша очерковая литература уже подни-
та в жизни оба эти типа. Фоминных
близок Глухареву из очерка В. Тендрякова
«Неадекват». Писегин — человек того же
типа, что и Чупров из очерка В. Тендря-
кова «Падение Ивана Чупрова». Разноид-
ности этих двух типов встречаются и в
очерках В. Овечкина. Таким образом, оче-
рки Залыгина интересны не открытием
этих типов, а тем, что оба эти характера
появились в одном очерке, что они проти-
вопоставлены и одновременно показаны
во взаимной связи, независимо от того, думал
об этом автор или не думал.

Бажется, будто Фоминных и Писегина,
С. Залыгин. Очерки и рассказы. «Молодая
гвардия». 1955 г. 192 стр.

Самому не хватает порой пафоса учебной
и совершенствования, остаются лишь ка-
зенные отметки об аккуратной посещаемости
литкужки или объединения и сегова-
ния по поводу того, что кто-то «не охва-
тил», «не поднял», «не отметил»...

Росту молодых мешает их разобщен-
ность. Автозаводцы плохо знают, что
делают литераторы Горьковского универси-
тета. На Кубышевгидрострое не знают, о
чем спорят на занятиях литературного
объединения при газете «За Родину». А
надо бы людей собрать, развзывать творче-
скую дискуссию, попробовать посерево-
нить в масштабе города, области, края.
Приглашать литераторов других областей,
Москвы, Ленинграда, Киева.

Дело было в 1927 году, а в Горьком ли-
тераторы старшего поколения до сих пор
с удовольствием вспоминают, как Маяков-
ский пришел на заседание литтруппы при
газете «Молодая гвардия». Как он отказался
от доклада, сказав: «Пусть товарищи по-
читают, а я послушаю». Литкужковцы
читали. Маяковский по ходу чтения делал
глубокие и справедливые замечания...

ФРАЗЫ И ДЕЛА

Они остаются благой порывом.
«Дорого молодежи!» Нет, недостатка
в такого рода восклицаниях. Жаль только,
что они далеко не всегда подкрепляются
делом.

Писательская организация исполняется
чересчур медленно. При таком положении
Союз писателей может незаметно для себя
превратиться в этакую Академию бессмерт-
ных. Они боится переключить молодого,
другие — не могут стать надежной
опорой («Горьковский альманах»). Разве
И. Арсентьев, В. Удалов, А. Кириченко,
З. Гурба, Е. Евтева, В. Виктор, А. Сте-
панов — не смогли бы укрепить авторский
актив альманаха «Волга» в Кубышев?

При этом сами альманахи выпускаются
как бы нехоти, через пень-колоду. Нигде
не жалуются на нехватку материала. А
вместе с тем в альманахах почти не про-
щупывается пульс литературной жизни.
Материал в портфелях альманахов без дви-
жения лежит годами. Стать в альманах
рукописи — значит набраться терпения на
несколько лет или — по слову одного мо-
лодого поэта — «попираться в альманах».

Областные отделения
Сююза писателей, как
поглядывая, вонсе не
против притока но-
вых сил. Признается важность работы с
молодыми. Но весте она рынками, от-
скакая к случаю. Старшие литераторы по-
нимают, что молодежь должна идти в ли-
тературу. Но, понимая это, они все же по-
бавиваются широкого и безостановочного
потока рукописей — часто серых, скуч-
ных, ничтожных, но порою — интересных,
самобытных, новых. Эти последние не пла-

Весной 1954 года

действительно, исключают один другого.
Один — строгий законник, другой — на-
рушитель законов, один — человек, лишней
инициативы, другой — человек, кото-
рого губит инициатива, направленная
по ложным путям, один стал рабом сволочи,
заменившей ему реальность, другой же по-
лучил «наличной реальности»: новой кры-
ше своей МТС, стенам своих мастерских.

В действительности, они не только не
исключают друг друга, но обуславливают
один другого. Люди типа Писегина — по-
рождение стали, которых работает Фо-
минных. Работники типа Фоминных выхо-
дят живое содержание партийных реше-
ний, превращают их в застенчивые фор-
мулы, которые не доходят до глубины со-
знания людей практического делового ума,
каким относится Писегин. Работники
типа Фоминных не могут обеспечить того,
что необходимо для развития хозяйства, и
этим заставляют Писегина «изыски-
вать», стимулируют их излишнюю пред-
примчивость. Не способный руководить
типа Фоминных и обеспечить общего поды-
ема в масштабе района, области, при кото-
ром одна МТС уже не сумеет поднять свое
хозяйство за счет других. Наконец, нахо-
дясь во власти сволочи, люди типа Фо-
минных теряют понимание существа дела —
им уже трудно отказаться от успехов
своих подчиненных, независимо от того,
какие пути привели к этим успехам. Фор-
малисты, ради цифры в сводке они уже не
замечают даже нарушения формы.

В очерке С. Залыгина Фоминных и Писе-
гина сюжетно не связаны, но ясно, что
районом, где действовал Писегин, руково-
дил человек, похожий на Фоминных, — не-
даром Фоминных поддерживает председатель
колхоза Паустов, фигуру, близкую к Писе-
гину. Паустов, конечно, тоже не отка-
жется от системы «взаимопомощения»,
между ними маневрами он охотно исполь-
зует и «законный» путь — льготные усло-
вия, которые предоставляются колхозам,
разводящим чернобурых лисич в связи с
потребностью государства в пушнине. Это
довольно распространенная категория пре-
дупреждающих председателей, строящих бла-
гополучие своего колхоза на использовании
временной конъюнктуры (иногда это че-
рнобурые лисичи, иногда льготы, предоста-
ваемые государством колхозам, занимаю-
щимся семеноводством трав). Если предсе-
датель колхоза использует сложившуюся
конъюнктуру как рычаг, с помощью кото-
рого можно укрепить трудовые, поднять
дисциплину и двинуть хозяйство дальше,
— это одно; если же председатель, пользуясь
временной конъюнктурой, не думает о пер-
спективном ведении хозяйства, не загляды-
вает вперед, довольствуясь сегодняшними
доходами, если за коммерческой выгодой он
забывает о главном, о подлинной úrovни
производства, — это другое. Сводка отра-
жает только сегодняшний день, и потому
от внимания Фоминных это различие часто
ускользает, как ускользает от него за вы-
работанными текстами мягкой лачоты
реальные результаты работы бригады
тракторной бригады Мохова, хлещаго в
переводках.

Но Писегин, для которого интересы его
МТС становятся самоцелью, тоже, пожалуй,
не обратит внимания на то, что такой вот
бригадир Мохов в погоне за высокой вы-
работкой в гектарах пренебрегает произ-
водственными интересами колхоза, интере-
сами урожая.

И от Фоминных и от Писегина существе
дела, которому они отдали жизнь, в ко-
нечном итоге, ускользает; как ни стран-
но, но формалистскому поэтому оказывается
не только Фоминных, но и Писегина. То, что
они делают, партии не нужно, их де-
ятельность — лишь видимость деятельно-
сти. Получается, что Фоминных лишь для
себя строго держит буквы инструкции, —
что было спокойнее, а Писегина лишь для
себя обходит все инструкции и законы —
горячий человек, он весь во власти своей
неумолимой натуры. Разница тут лишь
в темпераментах, а сущность одна: еще
попозжему оставаясь на партийных и го-

вуют на поверхности. Их надо найти. Оты-
скать и образовывать их.

Что же, — порой отыщут, но обрадо-
ваться, — с этим не спешат. Откроют че-
ловека и начинают коллективно его кри-
тиковать и прорабатывать, как будто он
совершил тяжкие грехи. Строгость и вы-
сказанность способны творить чудеса
только при добродетельности. Без нее
молодые чахнут и усыхают. Не окрылив
человека, начинают сразу же из него вы-
скапывать перья. Что там перья — пух.
Творческий человек должен чувствовать,
что его работы ждут, что его успехам ра-
ды. В атмосфере внимания и обаятельно-
сти работать интересней, легче, плодотвор-
нее.

Рано умерший талантливый поэт-горь-
ковчанин В. Авдеев в стихотворном напут-
ствии своему племяннику писал:

Не страшись гурьбы веселой,
Не гляди, дружок, бычком:
Даже сам директор школы
Был когда-то новичком!

И наши известные литераторы были не-
долго начинающими. И им, безусловно,
кто-то помогал встать на ноги. Но чать их
лишь забыла об этом. Обычно говорят: те-
ряют от этого молодые. Следует сделать
поправку: в меньшей степени теряет от
этого сам незрелый, маститый, почтен-
ный...

В областных организациях много запро-
токолированных высказываний и решений
о молодых. Слушали: о молодых писате-
лях. Постановили: тревожиться об их ро-
сте. Тревожиться... Не укладывается это
живое, полное трепета чувство в протокол-
ную сухую запись!

Если работа с молодыми объявляется
кампанией, — редакции и издательства
беспрерывно осязаются графоманами,
иногда коим — легион. Они требуют внима-
ния, ищут жалобы, стучат кулаками в
литературную дверь: откройте! Цвет гу-
стой поток ничтожных рукописей; извольте
обратить внимание, — ведь объявлена
декада бережного отношения к молодым.

И у областных отделений СП, и у редак-
ций порой создается впечатление, что, кро-
ме этого серого потока, ничего на свете
нет. Но шумные, требующие «жалобную
книжку» и грозящие писать «к-е-к-к-к» без-
дарные комитеты заслоняют работающих,
скромных, выскателных и по-настоящему
любимых людей. Эти последние не хо-
тят идти вперед своих рукописей. Не хо-
тят быть «в потоке» громогласных и в-
звучащих легкой славы. Их работа не на

сударственных по-
стах, оба они посте-
пенно стали людьми
частными, преврати-
лись в обывателей. Фоминных и Писегина —
явления одного порядка, поэтому они бес-
сильны один против другого. Жизнь про-
тивопоставляет Фоминных людей нового
типа, таких, как директор Бунянов-
ской МТС коммунист Башлаков. Башла-
ков твердо убежден, что интересы партии и
интересы живой жизни неразрывны, в этом
его преимущество перед Фоминных и перед
Писегиным. Башлаков не менее инициати-
вен как хозяйственник, чем Писегин, и не
менее дисциплинирован как член пар-
тии, чем Фоминных; главное, что отличает
его от того и другого, в том, что он не те-
ряет из виду цели, что он всегда и во всем
коммунист. Он делает то, что диктует
жизнь, но он не пойдт на махинацию, он
не обойдет инструкцию стороной, а
добьется, чтобы инструкция пришла и со-
ответствие с жизнью, если этого нет.
Это человек партийного, государственного
мышления, он не пожелует интересам
дела во имя сводки и не пожелует об-
щим интересам ради новой крыши сво-
ей МТС. Если инициатива Писегина не
больше коммерческого характера, то
есть действия его в масштабе государствен-
ного часто сводятся к тому, что он пере-
кладывает средства из одного кармана
в другой, то инициатива Башлакова на-
правлена непосредственно на производство —
на создание новых материальных ценностей.

Башлаков чувствует требования време-
ни, партии. «Сегодня из области мне зво-
нят и требуют... сообщить о подготовке се-
сенного материала. Раньше — что вы! —
бы из кожи лез, чтобы к отчетному числу
выгнать показател. А теперь спокойнее
им объясняю: «Пятьдесят процентов!» —
«Как пятьдесят? Куда вы смотрите? Сев на
гору! Не знаете, что весна наступила?» Я
говорю: «Не шумите. Не потому пятьдесят,
что ничего не делаем, а потому, что ор-
ганизуем вторую и третью очистку и хотим
иметь семена выше, чем по кондиции.
Вот!»... А почему такой разговор возможен?
Стали смотреть на вещи реальнее. Дело за-
вай, не разговор!.. Всему судья — дело».

И Фоминных и Писегина в очерке С. За-
лыгина приходят на выручку Башлакову,
и в это верши, это выражает общую те-
нденцию развития жизни. Но нельзя те-
нденцию развития жизни полностью ото-
двигать с самой жизнью. В итоге очерк
создает впечатление, что и с бюрократиз-
мом и с «взаимопомощениями» в районе
уже все покончено. Все противоречия
жизни в пределах района предстают на по-
следних страницах очерка как разрешен-
ные противоречия, что не соответствует
духу самого очерка.

Достоинством очерка «Весной 1954 го-
да» является его откровенная публици-
стичность. Автор размышляет, сопостав-
ляет факты и явления в присутствии чи-
тателя, не наводящая своих мыслей геро-
ям. Вся работа очеркиста на виду, это
делает очерк достоверным.

В очерке С. Залыгина ограничил обра-
ботку характеров героев сферой их обще-
ственной жизни и, думается, в данном
случае поступил правильно. В рассказах,
включенных в сборник, С. Залыгин пы-
тается дать более многостороннее изобра-
жение характеров, но если о героях оче-
рка можно говорить, как о живых людях,
как о явлениях жизни, то рассказы такой
возможности не дают. Ничего нового в жи-
зни они не открывают. Так, например,
«Беспоша» — лишь еще один вариант авто-
новского «Дени». В рассказах автор навя-
зывает свои мысли героям, и это звучит
фальшиво. Десятилетний мальчик из рас-
сказа «В своей деревне» автор заставляет
рассуждать о секретаре райкома партии
следующим образом: «Петр Николаевич не
говорил лжью, а разговаривал с ними,
сразу с тысячей людей! И Алеша думал:
каждому, кто стоит сейчас на берегу, ка-
жется, — это с ним разговаривает секре-
тарь». Иаль, что слабые рассказы напе-
чатаны в одной книге с хорошим, прави-
льным очерком.

Ю. КАПУСТО

ФЕЛЬЕТОН

Слезы ребенка

Лена Кузрячева живет в городе Нориль-
ске. Она учится в 12-й средней школе, а в
свободное время сочиняет стихи.

В том, что она сочиняет стихи, нет ни-
чего предосудительного. Вероятно, каждый
грамотный человек может при известной
тренировке сделать не только яхбы, но да-
же хорен, такти и еще что-то.

Ученица Кузрячева решила составить
стих под заглавием «Учительнице», посе-
тить редакцию местной газеты и приуро-
чить публикацию стихотворения к торже-
ственной дате, а именно — ко дню рождения
своей любимой учительницы.

Увы, стихи, действительно, напечатаны.
При этом не забыли обозначить фамилию
автора — «Л. Кузрячева». И это было са-
мое обидное. Лена читала газету, перечи-
тывала свои стихи и рыдала навзрыд. Сквозь
слезы девочка твердила одно: несподручны
такие методы работы с авторами!

Стихотворение появилось в издатель-
ском виде. Такое мог написать лишь безза-
дачный двоекник, не знающий элементар-
ной поэтической грамоты. Теперь никак
нельзя было полнестии стихотворение в по-
дарок учительнице русского языка Л. А.
Чужайкиной. У него слегка изменилось
название. Оно стало называться не «Учи-
тельнице», а «Учитель».

Соответственно изменился текст. Прила-
гательные, существительные и, кажется,
местоимения были из женского рода спеш-
но переоборудованы в мужской. Вместо
«родная мать» — «отец». Вместо «про-
стая» — «простой».

Стихи сразу рассыпались. Поломался
размер, начисто исчезли рифмы. Если «от-
воря» — «простая», «мать» — «назвать» —
рифмы, хоть и не блестящие, то «отво-
ря» — «простой», «отец» — «назвать» —
вовсе не рифмы.

В редакции газеты «Заполярная правда»
не придали значения этим подробностям.
Вот в каком виде стихи увидели свет:

УЧИТЕЛИ

Звонит звонок, и, двери отворяя,
Учитель! входит на урок...
Наблюдая, мялкий, простой,
Любимый наш и чуткий педагог.

Из класса в класс он вел нас к свету.
Он так много толков нам дал.
Великое спасибо ему за это,
За все его хорошие дела!

И хоть подчас он наказет строго,
Его мы любим, как отца.
Велик труд советских наших педагогов,
Великим можно подвигом назвать...

Перед целым — и не маленьким — го-
родом окрестил ученицу Кузрячеву.

Как приятно выражаться, в данном слу-
чае редакция (редактор газеты С. П. Ба-
раков) неправильно поработала с автором.
Даже несколько месяцев спустя, когда
Лена решила обратиться в редакцию
«Литературной газеты», письмо Лены со-
держало горькие слова: «Мне стало очень
обидно, и после этого мне не хотелось боль-
ше писать стихи».

Первое столкновение юного автора с
периодической печатью кончилось плачев-
но. Очень нехорошо, очень неправильно по-
ступили с ребенком! Сколь неграмотно по-
ступились над стихотворными строчками!
Ну, а если бы грамотно? Тогда можно пере-
писать чужие стихи, переработать
учительницу в учителя? Вероятно, тоже
нельзя.

Конечно, каждый человек имеет право
перепечатывать. Но чтобы перепечатывать,
сначала надо написать. Хочется ре-
дактору поупражняться в стихосложении,
в сочинении рассказов, в писании
фельетонов, — пожалуйста, но только
за собственной подписью. Хочется чьи-
то произведения переработать, — извините.
Да будет сей делом рук самих утопающих...

Не надо обращаться с авторами, как со
школьниками. Автора надо уважать. Даже
если автор — действительно школьник!

Александр ЛАЦИС

* Курсик здесь и далее наш. Им выделены
«поправленные» места. — А. Л.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

На комсомольском со-
брании в станице Паш-
ковской выступал моло-
дой половец:

— Говорили тут: ны-
нешний год — лучший
условия для работы.
Верно. А знаете, еще по-
чему у нас работа луч-
ше пойдет? Городская
сила в ход пошла. Ил-
когда еще город за нас
так не переживал. По
всем статьям помощь
люди...

Очень точное замеча-
ние! Действительно, го-
рячее дыхание борьбы
за урожай ощущаешь на
Кубани не только на полевых станах, но и
в стенах заводских корпусов, научных ин-
ститутов, культурно-просветительных уч-
реждений.

В этих строках пойдет речь только об
одном из скромных вспомогательных отря-
дов, пришедших на помощь труженикам
сельского хозяйства Кубани, — о драмати-
ческих театрах Краснодарского края, ко-
торые от эпизодического выезда на село
перешли к планомерному и, главное, круг-
логодичному обслуживанию сельского зри-
теля. Первые успехи и просчеты работни-
ков искусства Кубани на этом пути мне
представляются поучительными.

Начнем с цифр. Три драматических
театра края: Краснодарский, Армавирский
и Майкопский (Алгейская автономная об-
ласть) за пять первых месяцев года пока-
зали в станицах и селах около 200 выез-
дов спектаклей, их просмотрело более 50
тысяч зрителей.

Но дело не только в количестве выездных
спектаклей, а в том, что они были показа-
ны в разгар городского театрального сезо-
на, когда по установившемуся обычаю
театры на село не выезжают.

Как известно, большинство театров бы-
вает в деревнях, главным образом, летом.
В остальное же время года театр редко
приезжает в села, особенно в отдаленные.
Но вот на Кубани партийные органи-
зации края поставили перед театрами за-
дачу: обслуживать сельских зрителей круг-
лый год.

И задача эта оказалась осуществимой.
Даже самые хмурые скептики сейчас уже
не сомневаются в том, что при хорошем
планировании систематические выезды на
село не могут помешать нормальной твор-
ческой работе театров.

Существует еще, правда, опасение: не
пострадает ли финансовый план? Ответ
на этот вопрос конкретным аргументом.
Выступив «Коварство и любовь», Красно-
дарский театр имел возможность в том же
месяце выехать в районы два спек-
такля: «Персональное дело» и «Историю
одной любви». Постановки вывозились по-
очередно — на неделю каждая. А в это
время театр на своей основной сцене без
ущерба для художественного качества
спектаклей показывал 4—5 пьес.

К сожалению, еще и поныне в некото-
рых театрах выездной спектакль рассмат-
ривается, как спектакль «облегченного»
типа. Под этим разумеют набранные с бору
да с сосенки декорации, замену основного
актерского состава наместившими испол-
нителями, сокращение массовых сцен.

Краснодарцы решительно отказались от
такого порочного подхода к гастролям на
селе. В выездных спектаклях, как правило,
зачинный состав исполнителей. Гарде-
роб и реквизит — те же, что и на ста-
ционаре. Заменяются только декорации.
И театр не «облегчает» оформление, сде-
ланное для основной сцены, а специально
изготавливает новые, более портативные де-
корации для выездов.

Но подобные технические мероприятия
имеют смысл в том случае, если в театре
создана атмосфера, при которой выезд
труппы на село воспринимается коллекти-
вом не как неприятная нагрузка, а как
почетное творческое поручение. В театрах
Кубани к обслуживанию колхозников отна-
сается именно так.

Все ли, однако, гладко и безоблачно
в работе кубанских театров? Увы, огрехов
и недостатков еще немало. Космеем
прежде всего тех, что не могут быть уст-
ранены силами самих театральных коллек-
тивов. Плохо, очень плохо с транспортом.
Очень часто театры вынуждены брать
автомашину напрокат. Это не толь-
ко значительно удорожает поездки и ставит
театры в зависимость от автотранспортных
организаций, но и создает дополнительные
трудности для участников гастролей.
Краевые организации не раз уже писали об
этом в разные инстанции, но дальше обещ-
аний в Министерстве культуры РСФСР
дело не поднималось.

Боевые же скверно готовятся к приезду
театров. Речь идет отнюдь не о навязы-
вании колхозникам билетов: в этом нужды
нет! Но как могут миться районные от-
делы культуры с тем, что, скажем, в стани-
це Васеринской, Марьянской, Белоречен-
ской, Ново-Мышастовской, Старо-Борсу-
н-ской и других артистам приходилось играть
в неутепленных и неубранных помещениях,
что заблаговременно приспанные афиши
так и не были вывешены. Эти упреки мож-
но адресовать не только работникам отде-

лов культуры и клубов, но и некоторым
руководителям колхозов и совхозов, счи-
тающим, что посещение спектакля — за-
тея несерьезная, отвлекающая людей от
работы. Жизнь бесцельно бьет остальные
взгляды подобных «руководителей».

Интересный случай был в Ново-Кубан-
ском районе. Когда там впервые провели
коллективный просмотр спектакля, к сек-
ретарю райкома КПСС пришел товарищ,
возглавлявший в ту пору колхоз «Передов-
ный». Принес он недовольный, хмурый: мол,
предлагают занятии ерундой — обеспе-
чить транспортом поездку группы колхоз-
ников на спектакль Армавирского театра.
Приспавленный секретарем райкома, пред-
седатель, тем не менее, угромо пререк:
«Если поедут, пропалка сорвется». Вскоре
он снова явился в райком с жалобой — на
сей раз совершенно иной. Он жаловался на
«бюрократов» из отдела культуры, ко-
торые обделили его колхоз билетами на сле-
дующий спектакль.

Многое, очень многое зависит от отноше-
ния местных организаций. Почему, ска-
жем, работники искусств Краснодарского
края охотно выезжают в станицу Усть-
Лабинскую? Не только потому, что туда ве-
дет очень удобная дорога. Там их всегда
ждет заблаговременно подготовленное помеще-
ние, зрители в назначенное время органи-
зовано подвозят из колхозов. Усть-Лабин-
ские организации к этой работе относятся
всерьез. К этому их приучает секре-
тарь райкома КПСС И. Сероштан, ревливо
следящий за тем, чтобы ни один театр, ни
одна концертная бригада не обехала
Усть-Лабинский район.

Многие трудности работы не могут быть
преодолены театрами самостоятельно. Но
немало зависит и от них самих. И тут пре-
жде всего следует сказать об ограниченной
«географии» гастролей театров края. Еще
очень редко добираются они до отдаленных,
предгорных и горных районов Кубани.
Планы выездов зачастую несут нази-
ваниями одних и тех же «сосенных» точек.
А не целесообразнее ли было бы участить
приезды колхозников из близлежащих
районов на спектакли в городских стацио-
нарах, а за этот счет организовать выезд
театров на более длительные сроки в са-
мые отдаленные зоны огромного края?

Крайне однообразен и случаен репертуар
выездных спектаклей. Разве можно счи-
тать нормальным, что в одно и то же время
три драматических театра края показыва-
ли колхозникам преимущественно «Исто-
рию одной любви» К. Симонова? Почему
в репертуаре Краснодарского и Армавир-
ского театров нет сейчас пьесы из жи-
зни села, а в Майкопском театре эта те-
матика представлена одной и не такой
уж удачной пьесой В. Леканова «Сельские
вечера»? Почему театр музыкальной коми-
ды, насчитывающий в своем репертуаре
немало пьес на темы советской жизни,
обычно показывает приезжающим на селе
спектакли колхозникам «Холопку»? Сельские
зрители, конечно, охотно смотрят
и шекиперскую «Двенадцатую
ночь», и чеховского «Дядю Ваню»,
и другие пьесы, имеющиеся в репертуаре
театров Краснодарского края. Но основу ре-
пертуара должны составлять пьесы, посвя-
щенные нашей современности, показываю-
щие жизнь советских людей в наши дни.

Естественно, скромный опыт театров
Кубани далеко еще не исчерпывает всех
возможностей обслуживания села. К сожа-
лению, кубанцы точно не знают, что пред-
принимают в этом направлении театраль-
ные коллективы других краев и областей.
Тем более Министерству культуры следовало
бы поскорее обобщить опыт театров
страны и пойти проверенные жизнью новые
формы обслуживания сельского зрителя.

Но одно уже очевидно сейчас. Театр, как
и кино, стал органической потребностью
тружеников села. Вот почему сель-
ский зритель хочет, чтобы театры обслу-
живали его не эпизодически, не от слу-
чая к случаю, а планомерно, в течение
всего года. Опыт театров Кубани, так же
как опыт Псковского, Калининского и не-
которых других театров, показывает, что
у театров есть возможности идти навстречу
этим требованиям, продиктованным самой
жизнью.

И. СОЛОДАРЬ

На снимке: артистка Краснодарского кра-
евого драматического театра имени М. Горь-
кого Л. В. Воробьева беседует с руководи-
тели и участниками сельской художествен-
ной самодеятельности Брюховского района.
Фото С. Васина

Мастерство, непосредственность

Всего семь лет существует Чехословацкий
государственный ансамбль песни и танца.

НАЧАЛО ПОЛОЖЕНО

Китайский народ с удовлетворением узнал о результатах Женевского совещания. Глав правительств четырех держав — Советского Союза, США, Англии и Франции.

ГО МО-ЖО,
президент Академии наук
Китайской Народной Республики

Это Совещание — важное международное событие. Его созыв еще и еще раз свидетельствует о том, что политика «с позиций силы» несостоятельна, а политика мирных переговоров торжествует победу.

С первого дня открытия Совещания и до его окончания Женеве находилась в центре внимания всего мира. И это вполне понятно. Народы всех стран возлагали огромные надежды на успех Женевского совещания, ибо народы верят в принципы мирного сосуществования и выступают за мирный путь разрешения спорных международных проблем, за установление взаимного доверия между государствами, за сокращение вооружений и прекращение «холодной войны». Общие чаяния сотен миллионов людей мира, естественно, не могли не найти отражения на Совещании четырех, не могли не привести к положительным результатам. Жизнь подтвердила: если в дальнейшем окрепнет взаимное доверие между великими державами и окончательно воплутся принцип мирных переговоров при разрешении международных споров, «холодной войны» наступит конец.

Заявления и предложения Правительственной делегации СССР на Женевском совещании, ее позиция, проникнутая духом сотрудничества и дружелюбия,нискаки всеобщую симпатию и поддержку во всем мире. Советские предложения рациональны и реалистичны.

Предложение СССР о создании системы коллективной безопасности в Европе гарантирует подлинную безопасность для европейских народов и в то же время учитывает то обстоятельство, что многие страны Европы несут определенные обязанности по действующим договорам и соглашениям. Нетрудно видеть, что в нынешних условиях германский вопрос и проблема коллективной безопасности в Европе тесно связаны. Создание в Европе

системы безопасности, которая заменила бы систему военных блоков, противостоящих друг другу, открыла бы путь для окончательного разрешения германского вопроса, объединения Германии в единое, миролюбивое, демократическое государство.

Сокращение вооружений и запрещение атомного оружия стали всеобщими и неотложными требованиями народов. Советское правительство давно уже выдвинуло конкретные предложения в этой области. На Женевском совещании Советское правительство внесло проект о сокращении вооружений и запрещении атомного оружия.

В Женеве Главы правительств четырех держав обсуждали также вопрос о развитии контактов между Западом и Востоком. Они выразили общее желание: надо устранить искусственные барьеры между Западом и Востоком, надо добиться еще более свободного общения и расширения торговли между Западом и Востоком. Это, несомненно, сыграет огромную роль в сближении между странами, в усилении взаимопонимания и доверия.

И, наконец, последнее. Мне хочется сказать несколько слов по поводу азиатских проблем. В Азии и на Дальнем Востоке сложилась сложная обстановка. Многие в этой части земного шара ждут своего разрешения. Многие, от чего завязят мир и безопасность на Дальнем Востоке и во всем мире. К сожалению, на Совещании в Женеве проблемы Азии (хотя советская делегация подчеркивала их важное значение) не были включены в повестку дня. Это очень печально.

Как представитель Азии, я думаю, что Главы правительств четырех держав не могут не обратить внимания на предложение премьер-министра Индии Неру о созыве совещания по вопросам Дальнего Востока. Конечно, в таком совещании должны принять участие главные страны Азии, иначе все эти насущные проблемы не смогут быть разрешены. Это предельно ясно. Мы, народы Азии, горячо любим свободу и мир и потому требуем вывода всех иностранных войск, уничтожения иностранных военных баз на нашей земле. Нужно уважать целостность территории и суверенитет азиатских стран. Если эти требования будут осуществлены, то правильно разрешить такие вопросы, как вопрос о Тайване, о мирном объединении Кореи, об обеспечении мира в Индо-Китае, будет нетрудно.

Всем миру очевидно, что Совещание Глав правительств четырех держав создало благоприятную атмосферу для установления взаимного доверия между государствами, для дальнейшего ослабления международной напряженности. Я рад успеху Женевского совещания.

ПЕКИН, июль. (По телеграфу).

«Я думаю, что приезд советской делегации означает, что лед между США и СССР сломан!» — воскликнул американский фермер Ардел Кантримэн во время встречи с представителями советской делегации на ферме Элбайла Дресина, расположенной близ города Холштейн.

Да, лед «холодной войны» сломан! Народы получили возможность лучше узнавать друг друга. В то время как члены советской делегации знакомятся с состоянием сельского хозяйства в США, американская делегация совершает поездку по Советскому Союзу.

Взаимный обмен опытом обогащает народы... 27 июля в американском городе Сиу-Сити в честь членов советской делегации был дан обед. За почетным столом, рядом с главой делегации В. Мащевским сидела жена Герберта Пайка — члена американской делегации, находящейся в СССР. «Я», — сказала она Мащевскому, — только что получила письмо от мужа. Он пишет, что их там очень тепло принимают. Она преподнесла Мащевскому два старинных платка, приобретенных, как она сказала, лет шестьдесят назад ее матерью...

Сегодня мы публикуем два снимка, запечатлевших крепкую дружбу между народами США и СССР.

На снимке справа, помещенном в газете «Нью-Йорк геральд трибюн», фермер из штата Айова Ричард Л. Аллемэн рассказывает представителю СССР, как он выращивает кукурузу.

На снимке слева — старейший колхозник артели имени Карла Либкнехта Кагановичского района Одессы Л. П. Оншенко преподносит руководителю американской сельскохозяйственной делегации Уильяму Ламберту хлеб-соль. (Фото В. Соболева)

К ОТКРЫТИЮ В ВАРШАВЕ
В ВСЕМИРНОМ
ФЕСТИВАЛЕ МОЛОДЕЖИ
И СТУДЕНТОВ

Голуби польской столицы

У подножия величественного Дворца дружбы, в самом центре Варшавы, на углу Маршалковской улицы и Нерусалимских Аллей, установлен на днях маршаловский обелиск. Голуби садятся на его полированную вершину, доверчиво расхаживают вокруг обелиска у наших ног.

Бронзовыми буквами обозначены на марше самые большие города Польши и все столицы европейских стран. Бронзовыми цифрами нанесены расстояния от Варшавы до этих городов. Ближе всех к Варшаве Берлин и Прага (оба города отстоят на 518 километров), а наиболее отдаленные — Рейкьявик и Лиссабон (2771 и 2773 километра). Однако иным участникам Всемирного фестиваля молодежи и студентов и эти расстояния кажутся маленькими. С точки зрения австралийцев, индонезийцев или обитателей Золотого Берега, исландцы и португальцы — близкие соседи поляков.

Обелиск в центре Варшавы — это не только нарядное сооружение из мрамора и бронзы, но и символический указатель. Сегодня в Варшаву торопятся молодые люди со всех концов, или, как выразительно говорят поляки, «из всех закутков» света.

На вокзалах и на аэродроме Варшавы колыхнутся и трепещут в июльском небе флаги всех стран. Никогда еще варшавское небо не было расцвечено так торжественно. Более 100 стран участвует в фестивале.

Но разве только Варшава принарядилась к празднику? Все города, поселки, села и деревни Польши встречают фестиваль, как большой свой праздник.

Конечно, можно было бы найти для V Всемирного фестиваля и другой город, может быть, более нарядный, чем Варшава. Но есть глубокий и драгоценный смысл в том, что молодые поборники мира и дружбы между народами, молодые люди, всеми силами ума и сердца ненавидящие войну, собираются именно в Варшаве — героическом и многострадальном городе.

Когда смотришь на Варшаву с 32-го этажа Дворца культуры и науки, лучше представляешь себе веру и подвиги, который совершил польский народ, поднимая свою столицу из праха, тлена и пепла. И в то же время отсюда, с высоты, лучше видно, сколько еще осталось руин и каменных трупов, переших зеленую.

Гости фестиваля восхищаются дворцами и улицами, парками и площадями возрож-

денной Варшавы, и они же с тревожным беспокойством и грустным удивлением вглядываются в остовы и руины домов — страшный лик войны.

Иные из гостей никогда не видели развалин и, к счастью, только понаслышке знают о том, что такое бомбардировка или канонада. А иные гости видели такие же развалины у себя на родине. Это жилища, дома, жилые улицы отбитаются друг от друга, а развалины всегда очень похожи, где бы эти развалины ни чернели — в Берлине или Ковентри, Смоленске или Ганьске.

В Варшавской Раде Народовой хранятся почетная грамота и Золотая медаль мира, которыми Варшава награждена Вторым Всемирным конгрессом сторонников мира за исключительные заслуги в мирном строительстве и в укреплении дружбы между народами. Эта грамота и медаль были вручены Варшаве Юлию Кюри почти пять лет назад. На медали выбит голубь, и он невольно воспринимается не только как символ, но и как непреходящая примета варшавского пейзажа.

Голуби Варшавы... Да, позволено будет сказать о них несколько слов сегодня, в канун Всемирного фестиваля. Может быть, во всем мире нет другого города, где бы жители любили голубей так преданно и нежно.

Голуби Варшавы погибли в огне пожаров, их убило взрывной волной, осколками, пулями. В Старом Городе голубей издавна кормил Казимера Майхшаков. Немцы выселили их вместе с другими жителями. Но уже через несколько дней после освобождения Варшавы в морозный январский день вернулись в родной город и старая голубятница. Она вернулась без своих вещей, потому что несла на плечах мешок с ячменем — еду для голодных голубей.

Варшавская Рада Народова предоставила Казимере Майхшаковой квартиру, построила специальный голубятник, и ее дом на Пинной улице жители стали называть «Дом под голубем». Нынешней весной 76-летняя Казимера Майхшакова умерла, но ее пернатые питомцы не осиротели. О них заботятся старые, молодые и совсем юные варшавяне. Голубей в городе все больше...

Председатель Президиума Варшавской Рады Народовой Ежи Альбрехт рассказывал мне о той огромной работе, которая проделана в Варшаве накануне фестиваля.

Великолепный Стадион имени 10-летия народной Польши ждет гостей. Этот стадион расположен на берегу Вислы, в просторном зеленом парке. Немало концертов, спортивных соревнований, представлений состоится в стенах Дворца культуры и науки, чьи двери на днях широко распахнулись.

Около 500 квартальных комитетов соревнуются, кто лучше украсит свои дома к фестивалю. Десятки тысяч варшавян благоустроили город. Множество скверов разбито на месте пустырей, множество цветочных клумб появилось во дворах, множество цветов и кустарников высажено было этой весной.

С каждым днем в столице многолюднее, все больше движение транспорта, все более живо кипение толпы на площадях и улицах. На помощь варшавскому транспорту для нужд гостей уже прибыли и прибывают сотни автобусов из Венгрии, Чехословакии, ГДР и Советского Союза. Нужно видеть, как уже успели сдружиться немецкие шоферы из Сталинграда со своими пассажирами из Пекина, Шанхая и других местностей Китая.

...Рынок Старого Города окружен домами, словно сошедшими со старинной гравюры. Крутые скаты черепичных крыш. Узкие, как бы сжатые в каменных плечах фасады домов. Вот старинные солнечные часы — можете проверить по ним время. Вот дом с мемориальной доской — здесь родилась Мария Кюри-Склодовская.

По брусчатке площади разгуливают голуби, несметное множество разноцветных голубей. Они, наверное, чувствуют, что в Варшаве стало шумнее, оживленнее. Но голуби не стали от того менее доверчивы. Они уверенно в дружелюбных новых знакомых, их еще чаще кормят. Двое негритянских юношей, совсем молоденькая китайка и ее спутник, такой же молодой китаец, и какие-то белокурые, очевидно, скандинавского происхождения девушки прилежно кормят голубей крошками булки.

Белый голубь до расхаживает у самых моих ног, то взлетает на ступень по соседству фанерный щит, обклеенный плакатами с изображением голубя, и, может быть, поэтому он представляется мне сейчас ожившим символом мира.

Евгений ВОРОБЬЕВ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»
ВАРШАВА. 29 июля. (По телефону)

АМЕРИКАНСКИЕ УЧЕНЫЕ О РУССКОМ ИСКУССТВЕ

«Архитектура — зримая совесть народов». Эти старинные изречения заканчивает Сайбна Моголи Нейджи, американский ученый, свою рецензию на выпущенную недавно издательством Калифорнийского университета книгу Артура Войса «Московский Кремль».

Автор рецензии (она опубликована в одном из июньских номеров нью-йоркского еженедельника «Сатердей ревью») дает высокую оценку работе Артура Войса, одного из крупнейших американских историков русского искусства и архитектуры. В сравнительно небольшой по объему книге (147 страниц, 111 иллюстраций) Артур Войс рассказывает историю создания московского Кремля, архитектурный ансамбль которого «для России означает то же, что Акрополь для Афин и Капитолий для Рима».

Примечательен вывод, к которому приходит рецензент книги. Как известно, апологеты «холодной войны» нередко в своих писаниях пользовались образом Кремля и Красной площадью для устрашения своих читателей, связывая с этими образами понятия о «мировом заговоре» и «красной опасности». Архитектурный ансамбль Кремля, Красной площади и Мавзолея, пишет Сайбна Моголи Нейджи, вызывает скорее противоположные мысли.

В том же номере «Сатердей ревью» опубликована рецензия самого Артура Войса на книгу Джорджа Хилла Хамилтона «Русское искусство и архитектура». Артур Войс пишет: «Русская архитектура, живопись и скульптура хотя и привлекали к себе меньше внимания, чем другие области русской культуры, были в течение долгого времени предметом горячих дискуссий... Находились люди, которые назвали смешной мысль о существовании такой вещи, как оригинальное русское искусство, иные снисходительно доискивали, что некоторые из существующих произведений достойны изучения; одних отталкивали, других привлекали такие характерные черты русского национального искусства, как экспрессивность, романтизм и живописность. Только в последние десятилетия выступили ряд историков, которые сумели выделить подлинное качество русского искусства... Сам русский создавал и создают много серьезных работ в области истории отечественного искусства, и за последние несколько лет появилось немало трудов большой научной ценности. Однако на английском языке книг, посвященных этому предмету, прискорбно мало».

Артур Войс высоко оценивает книгу Дж. Хамилтона, который привнес в качестве источника и работы советских ученых. Сожаление у автора рецензии вызывает недостаточное количество иллюстраций. Артур Войс пишет, что ему самому приходилось сталкиваться с большими трудностями в этом вопросе: «Времена таковы, что действительно чрезвычайно нелегко доставать фотографии и цветные иллюстрации, необходимые для такого рода работ».

Этот, на первый взгляд, малозначительный факт, о котором сообщает американский ученый, — прямое следствие того ущерба, который наносит «холодная война» обмену культурными ценностями между народами. Какие богатые перспективы открылись перед учеными всех стран, если их благородный труд будет поддерживаться духом взаимного понимания и доверия!

Бог войны Марс: — А застрахован ли я на случай безработицы?..
Рисунок худ. Бастияна из американской газеты «Сан-Франциско кроникл»

Великий писатель Индии

Завтра, 31 июля, исполняется 75 лет со дня рождения выдающегося индийского писателя Прем Чанда, классика литературы на языках хинди и урду. Его творчество — яркий и благородный пример самоотверженного служения родному народу.

К 75-летию со дня рождения
Прем Чанда

Долг писателя, говорил Прем Чанд, заключается в том, чтобы «поддерживать и защищать тех, кто угнетен». И сам Прем Чанд всю жизнь неуклонно выполнял свой гражданский долг и тем самым завоевал славу истинно народного писателя.

На рубеже XIX—XX вв. Индия была колонизаторской страной. Тяжелое положение трудового народа, особенно крестьянства, усугублялось разнообразными феодальными пережитками, которые были выгоды колонизаторам. Индийцы были лишены самых элементарных политических прав. Системой жестокашей цензуры и полицейского террора чужеземные правители стремились держать народ в полной покорности. В Индии неуклонно нарастало возмущение противом колониализма, все более крепло чувство национального самосознания. Мощной попыткой народов Индии сбросить с себя иго рабства было национально-освободительное движение 1905—1910 годов. Именно к этому периоду относится начало творческой деятельности Прем Чанда.

Писатель (его настоящее имя Дханпат Рай Шриваста) с самого детства видел муки и лишения родного народа. Родившись в семье мелкого сельского чиновника, он сам терпел жестокие нужды, страдал от голода, от безработицы. Ценой больших усилий ему удалось получить образование. Он становится учителем, делает первые шаги в литературе; опыт публицистической деятельности вводит Прем Чанда в накаленную атмосферу политической борьбы.

Уже в первом сборнике рассказов писателя — «Любовь к родине» содержалось обличение ненавистных колониальных порядков и призыв к соотечественникам не жалеть сил и самой жизни по имени славы своей страны. Распоряжением властей сборник был признан «мятежным»

и предан сожжению, автору пригрозили серьезным наказанием, но писателя это не поколебало. Он убеждался, что слово правды вселяет страх в угнетателей родины, помогает росту сознания народа, и без колебаний посвятил себя делу освобождения Индии. До конца жизни писатель продолжал следовать по этому пути.

Наиболее яркой чертой творчества Прем Чанда, проявившейся уже с самого начала его писательской деятельности, было обращение к жизни простого народа, как к источнику тем, сюжетов, героев. Знание быта и условий труда крестьян, городской бедноты, немущих слез интеллигенции, живейшее сострадание к их судьбе позволили писателю подняться в литературе на языках хинди и урду совершенно новые, доселе неведомые проблемы. В новой литературе Индии центральным героем оказался человек-труженик, униженный и страдающий, но вместе с тем цельный и чистый в своей духовной красоте. Герои Прем Чанда пронесут сквозь все испытания неушатимую веру в торжество правды, в победу справедливости над произволом. Этот светлый гуманизм непосредственно перекликался с патристическими настроениями, которыми была наполнена Индия.

Прем Чанд сразу же после своих первых книг стал известным писателем. Это было обусловлено прежде всего тем, что он сумел уловить и выразить неодолимое стремление широчайших народных масс страны к политической пробуждению, когда, по словам В. И. Ленина, на колониальном Востоке «сотни миллионов забитого, отчаянного в средневековом застое, населения проснулись к новой жизни и к борьбе за абстрактные права человека, за демократию». Правильное освещение в литературе жизни народных масс отвечало задачам нацио-

нально-освободительного движения.

В произведениях Прем Чанда предстает широкий диапазон разнообразнейших социальных тем. Много внимания он уделяет положению женщин в семье и обществе, осуждает социальные пороки и жестокие традиционные обычаи, унижающие для женщин.

С огромной разницей силой Прем Чанд в сатирических образах клеймит тех чиновников и помещиков, которые нецелесообразно эксплуатируют и обирают своих соотечественников.

Прем Чанд нередко обращается к историческим сюжетам, воспроизводит героические эпизоды из истории Индии и других стран, прославляет свободолюбивые, патристические чувства.

Многие свои произведения писатель посвящает жизни индийского крестьянства. Его интересует духовный облик крестьянина, сложные социальные процессы, происходящие в деревне. Он создает грандиозную эпическую картину — настоящую живую историю индийской деревни с безмерным, неумолимым, голодом, помещичьим произволом, лихованием ростовщиков, полицейским террором, вымогательством чиновников.

В разгар всенародного подъема антиимпериалистической борьбы 1918—1922 годов Прем Чанд создает роман «Обитель любви» и драму «Борьба». В этих произведениях наиболее отчетливо проявились важнейшие особенности и противоречия национально-освободительного движения этих лет в условиях отсталой аграрной и колониальной страны. Писатель вскрывает историческую обусловленность и внутреннюю гнилость всей колониальной системы, основанной на сочетании бюрократического административного аппарата

с феодальными порядками в деревне. Но стихийные выступления крестьянства против колониального гнета не провозглашали идеализированных отношений, свойственных старой, патристической крестьянской общине. И отражала эти настроения, Прем Чанд склонялся к тому, что многие социальные пороки могут быть изжиты, если подстрекаются добрым примером и пересмотрят людей, которые находятся во власти корыстолюбия. И все же, несмотря на внутреннюю противоречивость идейного замысла романа, он имел большое революционизирующее значение, как в умах у самых отсталых крестьян постепенно вызревая мысль о необходимости бороться с помещиками и ростовщиками. В целом роман явился первым в Индии крупным произведением, где с такой реалистической глубиной освещены основные проблемы индийской жизни, в первую очередь положение трудового народа.

Прем Чанд всегда жил интересами своей родины, стремившейся к независимости. Его идейные и политические воззрения отражались неуклонно растущий уровень освободительной всенародной борьбы. Во время кампании гражданского неповиновения, в 1920 году, следуя патристическому призыву бойкотировать английские учреждения, он оставляет службу, которая позволяла жить в достатке. Впоследствии писатель нередко приходилось терпеть нужду и лишения, но он не вернувшись на государственную службу.

На новом этапе индийского национально-освободительного движения (1928—1933 годы) Прем Чанд попрежнему находится в первых рядах борцов за национальное освобождение.

В этот период творческая активность Прем Чанда достигла неслыханного размаха. Он пишет романы, рассказы,

публицистические статьи, издает журнал и газету, работает над сценариями для кино, ведет оживленную переписку с писателями, стремится сплотить воедино передовых деятелей литературы.

В произведениях последних лет жизни писателя его страстный голос, голос гуманизма и демократа, становится все более мощным, знаменуя победу метода критического реализма в литературе хинди и урду. Писатель отрешается от многих социальных иллюзий. Роман «Жертва» (1936 г.) всей логикой своих образов говорит о том, что человек не может достичь реального жизненного счастья и благополучия, если он будет только уповать на свои моральные добродетели, мирясь с произволом и не противясь ему. Главным героем романа немущий крестьянин Хори тихо ждет наступления лучших дней. Его мечта, даже самым скромным, не суждено сбыться. Как бы ни был он честен, добр и отзывчив, законы общества, в котором он живет, беспощадны. Не пытаясь бороться за изменение своей судьбы, Хори становится жертвой социальной системы, основанной на эксплуатации миллионов масс трудового народа.

Глубокое идейное содержание, патристизм и реализм творчества Прем Чанда оказали огромное влияние на многоязычную литературу всей Индии. Наряду с Рабиндранатом Тагором он стал самым крупным в Индии национальным классиком-реалистом, чьи демократические традиции бережно поддерживаются и развиваются в наши дни.

Прем Чанд был основателем наиболее массовой и передовой литературной организации — Всендийской ассоциации прогрессивных писателей. Под его председательством проходила в апреле 1936 года первая конференция ассоциации.

Многое сделал Прем Чанд для того, чтобы литература была возможно понятнее и доступнее широкому демократическому чи-

тателю. С этой целью он стремился приблизить хинди и урду — две литературные формы единого разговорного языка хинди-ура — к их общему народному основанию. Как художник слова, знаток народной речи, он и до сих пор остается учителем индийских писателей.

Творчество Прем Чанда явилось продолжением освободительных тенденций, возникших в индийской литературе еще в XIX веке. Вместе с тем оно представляет собой этап в литературе хинди и урду. Нынешняя заслуга Прем Чанда перед своей родиной состоит в том, что он сделал литературу гласностью чужих простых людей, неразрывно связав свое творчество с борьбой народа за национальное и социальное освобождение.

Писатель глубоко национальный, он с большим уважением относился к культуре других народов. Он переводил на хинди Бертрам Шоу, Анатоль Франс, Гюиссер, Саади, он первый познакомил читателей литературы хинди с творчеством Льва Толстого, с чувством величайшего уважения отзывался о Максиме Горьком.

Разделяя стремление своего народа выпростаться из оков империализма и феодального гнета, писатель с надеждой обращал взоры к Советскому Союзу — стране раскрепощенного труда. Писатель приветствовал новое, социалистическое общество, новую культуру, создаваемую в СССР освобожденными народами.

Прем Чанд умер 8 октября 1936 года. Его художественное наследие огромно. Оно принадлежит не только Индии, но и всему человечеству.

Изучение творчества Прем Чанда за пределами Индии впервые началось в нашей стране. К сожалению, до сих пор на русский язык переведено далеко не все, написанное Прем Чандом. Долг наших переводчиков — широко ознакомить советских читателей с творчеством выдающегося сына индийского народа.

В. БАЛИН

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.